

Отзыв оппонента

на диссертационное сочинение Захаровой Евгении Юрьевны
«Мужские квартальные сообщества Тбилиси: структура и функционирование»,
представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07. — Этнография, этнология, антропология

Во Введении к диссертационному сочинению удалось показать, что избранная тема является не только открытием диссертанта или порождением академического интереса к явлениям общественной жизни, а имеет осознанную актуальность в той этнической (этносоциальной, этнополитической, этнопсихологической и т.д.) среде, которой присуще изучаемое явление и которую она считает «больной» точкой своего общества. Очевидно, не случайно, что данная самооценка прозвучала в краткий исторический период, когда национальное самосознание грузин должно было дать реакцию на вызовы саморазвития, последовавшие после «цветной революции», а также обострения российско-грузинских отношений. Автором приводятся достаточно примеров того, что в середине 2000-х гг. социализация грузинской молодежи, осуществлявшаяся в уличной среде, была предметом эмоциональных дискуссий, как в средствах массовой информации, так и в частных разговорах. В СМИ много писали о всплеске уличной преступности в городах, связывая его с распространенностью «воровского менталитета» в обществе в целом и среди подростков в частности. Указывая на развитие этой темы в СМИ, Е. Захарова выделяет его причину в готовившейся в середине 2000 г. властями Грузии серии акций против преступного мира с целью оттеснить их от рычагов власти, к которым они опасно приблизились в предшествующие годы.

Одной из трактовок генезиса насилия среди молодежи, подростковой преступности и распространении в обществе «воровского менталитета», было обращение к истории Грузии советского времени. Следуя за грузинскими и англоязычными источниками, диссертант выделяет причины роста авторитета преступного мира в Грузии в поздние советские годы: диспропорции в доходах жителей республики, экономически неоправданные по сравнению с доходами жителей других республик СССР, мощный рост теневой экономики, наличие протестных настроений по отношению к Центру, коррумпирование республиканской власти. Эти и прочие процессы, в целом показывающие неэффективность советской власти в конце ее существования, в Грузинской ССР были причиной особого состояния социально-экономического кризиса: криминализации большой доли находящихся в местном обороте денег при моральном их обесценивании, формирования отрицательных оценок современных

институтов власти. В этой атмосфере общественное мнение в лице видных представителей национальной интеллигенции сдвинулось к прославлению авторитетов криминального мира, что вполне типично для предреволюционного состояния общественной мысли. Характерной особенностью было создание в возвеличивании криминальных авторитетов в Грузии советского времени своеобразной контрутопии, на некоторое время ставшей элементом национальной идеологии.

Далее во Введении диссертант показывает, что в годы, последовавшие за обретением Грузией политической независимости, кризис не разрешился, а еще больше углубился: не только лопнул пузырь сверхдоходов, но и развалилась вся экономика страны, а эволюция власти прошла таким образом, что криминальное насилие стало ее самым эффективным инструментом. Тем не менее, в условиях безработицы, беззакония и дезорганизации общества в 1990-е гг. значение улицы как карьерной перспективы только укрепилось как независимой социальной среды, во многом, ставшей для многих молодых людей безальтернативной формой социализации. Нечто сходное происходило на всем постсоветском пространстве, и ныне весь комплекс активизации контр-модернизаторских элементов массовой культуры характеризуется как один из компонентов «взрыва архаичности», наступившего в периоды ослабления институтов социального контроля общества, проходящего модернизацию. Для нас несомненно, что криминализация процесса социализации молодежи не может быть ничем другим как проявлением архаики, причем в той ее части, которая самым активным образом продуцирует противодействие нормам мира, простроенного по принципам модернизации. Изучение явлений криминального мира, несомненно, является частью сферы научных интересов антропологических исследований. В этом плане хорошо известны описания субкультур криминального мира, являющихся новообразованиями, структурно сходными с архаическими социумами. В данном случае, перед нами работа, развивающая другое направление – изучение соотношения криминальной деятельности, как вида социального протеста (несомненно деструктивного, но фундаментально оправданного) с категориями традиционного социально-исторического организма и этнической традиции, устойчиво транслируемыми из архаики в современность. Вследствие данного, диссертационное исследование Е. Захаровой представляется абсолютно актуальным.

Можно также согласиться с позицией диссертанта, что социальная актуальность ее исследования обусловлена тем, что оно формирует знание о тех скрытых аспектах политической жизни Грузии, которые доступны только полевому исследованию (дисс. с. 22). В то же время уместным будет отметить состоявшимся изучение мужских молодежных

сообществ Тбилиси как явления традиционного по генезису, но развившегося в современную форму и представляющего современный вариант специфического сегмента соседской общины.

Следует согласиться с правильностью выбора материала, признать обоснованными, четкую постановку задач, определение целей и задач исследования, объекта и предмета исследования.

Автор глубоко знаком с проблематикой изучения молодежных движений в мегаполисной среде западных стран, демонстрирует обширное и глубокое знание историографии вопроса, свободно оперирует методологией городской антропологии, антропологии насилия, приемами гендерных исследований, необходимо использует установки социально-антропологического и криминологического подходов.

Диссертационное сочинение Е. Захаровой, и прежде всего предпринятый историографический обзор показали, что (и с чем следует согласиться), что по проявлениям своей деятельности мужские квартальные сообщества Тбилиси, могут быть соотнесены с т.н. *street-corner society*, но не только через их криминальное поведение и криминальные связи, но и через признание данного социального явления предметной областью изучения социальной антропологии по отношению к современной городской среде, насыщенной не только стабилизирующими, но и конфликтогенными формами. В этом плане данное диссертационное сочинение показывает, что молодежные уличные группы являются результатом очень сложного генезиса, полифонии причин, породившей в свою очередь предметные области нескольких дисциплин; все эти вопросы затронуты в разделах Введения. В результате выбраны установки социальной антропологии, направленные на поиск значений, которые имеют определенные социальные последствия для действующих в группе лиц так, что они составляют группу, проявлены подход к изучению мужских квартальных сообществ, как социализирующему институту городского грузинского сообщества, внимание к внутренней организации тбилисской улицы и ее взаимосвязи со всем городским сообществом. При этом отслеживаются и включаются в анализ данные, относящиеся в этнической традиции Грузии и ее главного города, фактически всю свою историю существовавшего как среда субэтничности. В этом плане диссертационное сочинение Е. Захаровой полностью соответствует тематике этнологии и кавказоведения.

Представление феноменов тбилисского сообщества в тексте диссертации начинается с рассмотрения парного явления городской социальной среды: квартала (убани) и биржи, оба названия происходят из городского сленга, жонглирующего словами разной языковой принадлежности. Квартал, как показывает диссертант, является базовой единицей

организации города, пространственной и социальной. С позиции пространственных характеристик, квартал-убани отличается разнообразием градостроительных и архитектурных форм, также различается социальный имущественный состав его жителей, что формирует ряд особенностей убани, но и задает их иерархию в городской среде, что влияет и на степень активизации молодежными группами тех свойств, которые они стараются проявить, представляя свой убани. Структурные свойства убани определяются тем, что кварталу соответствует человеческий коллектив, скрепленный не только единством территории проживания, но и идеей об общности интересов, взаимной поддержкой и контролем, а также общей локальной идентичностью (автореф. С. 11). Как вполне обосновано, убани оформляется как социальная единица, обладающая своеобразием (в рассматриваемых условиях более реализующимся на ментальном уровне) и демонстрирующая его в поведенческих формах. В соответствующей части текста автором представлены красочные примеры того, как дорого ценится убанская идентичность, и как строго караются все случаи ее нарушения. Весьма примечательно, что описываются и те ситуации, когда отдельные личности могли вырваться из круга убанских обязанностей, проявляя такие качества, которые не столько им помогали избавиться от убанской зависимости, сколько показывали выдающиеся свойства квартального человеческого материала.

Е. Захаровой тщательно подобран и организован большой материал, показывающий приемы оформления убани как выделенной территории своего, специфического пространства с использованием маркеров, предоставленных градостроительными метками или созданных внутри квартала членами убани особых участков, где будут находиться мужчины разных возрастов. Легко увидеть, что старшие находятся чаще там, где на квартальное пространство продолжается их семейное пространство, а молодежь обнаружится в собственно убанских точках. Особо убедительно показывается, чему отводится место нескольких параграфов первой главы, приоритет социально-психологических приемов создания и выделения убанской идентичности. В параграфе 1.2 приводится описание убанской социальной среды с позиции доминанты параметров «открытости-закрытости», «опасности-безопасности»; в параграфе 2.3 освещено оформление коллективистских ценностей, позволявших продлевать убанское взаимодействие за пределы квартального сообщества во всех ситуациях социального взаимодействия «большого общества». Здесь достигается доказательство того, что в городе квартальная идентичность занимает место базовой, одновременно разделяя городскую среду и соединяя городские социально-территориальные подсистемы. В параграфе 1.5 освещается явление конфликта

между кварталами – убани. Можно разделить то внимание, которое диссертантом уделяется бирже, месту и принципу демонстрации квартальной экзистенции, получившей свои зримые формы в тбилисской городской среде.

Несколько жаль, что, владея материалом по приемам соблюдения квартального единства в традиционной культуре грузинского полигенного поселения прошлого, и приводя ряд отсылок к этому фонду информации, диссертант не ставил целью показать преимущество современного города с его убанской структурой относительно архаического поселения с разделением его на родовые кварталы. Однако, представляется, выявление преимущества традиционных и новых видов квартального единства было бы полезным и для понимания процессов сохранения принципов соседской при утрате установок родственного единства и трудовой кооперации в пользу формирования психологического единства соседской общины в городской среде, и для исторических реконструкций, которые могли бы помочь установить традиционные прототипы в т.ч. и таких типично городских форм поведения на границах локальных пространств, как квартальная биржа.

Автор безусловно является сторонником комплексного изучения причин формирования квартальных сообществ, возможно, она даже права, не стремясь к установлению иерархии факторов их образования, показывая, что ни внутренние причины (сплоченность локального сообщества – *производное от однородности*), ни внешние (бедность как признак *значимости группы* или тип застройки – как *признак вида среды*)– (*расшифровки мои – В.Д.*) не являются исчерпывающими и доминирующими. Автор прежде всего видит причины квартального единства в факторах современности, что не вызывает сомнения, таких, как «бедность – *ограничение возможностей самореализации*, отсутствие перспектив для молодежи, отчужденность от государства, слабость его институтов и высокая степень сплоченности локального сообщества. Тем самым, во-первых, в пределах одного абзаца диссертант несколько противоречит себе (автореф. с. 11), а во-вторых, лишает проблему полноты рассмотрения, предлагая рассматривать убанское сообщество только через призму проблем молодежи и не предполагая наличие элемента архаики (или неоархаики – подсистемы «вторичных» компонентов культуры) в структуре городской соседской общины Тбилиси. Возможная в данном случае ретроспекция к традиционному социуму, точнее к молодежным сообществам внутри горских сельских общин или составлявших селения кварталов позволила бы более рельефно осветить сегодня фиксируемые элементы поведения молодежи и функции убанских институций.

Как в первой главе, так и в последующих дано блистательное представление характера и свойств молодежных убанско-биржевых сообществ. Во второй главе «Репутация как цель и средство» описываются путь вхождения подростка в биржевое сообщество, возникающие при этом инициационные испытания, двойственность взаимоотношения молодежного сообщества с семейным, обязательное соблюдение и столь же неизбежные инверсии гендерного мужского поведения, которые возникают в процессе его длительного становления на «глазах» динамично подвижного локального биржевого сообщества, развитие «биржевой статусности» и иерархии в сообществе через перманентность насилия, ставящего подростка перед многоразовым выбором позиции мускулинного победителя или виктимного изгоя. В отношении последнего вида социального взаимодействия сделано интересное и важное замечание о целесообразности выбора «минимального насилия», которое позволило бы оптимизировать действие в названной оппозиции и принесло бы наибольший успех персоне, проявляющей насилие. Собственно именно такая персона более всего приближается к образу *dzveli bichi*, парня улицы, представителя и творца кодекса поведения современного «героя» социальной страты молодых мужчин столицы Грузии. Дополнительными компонентами кодекса является признание за «героем» черт - справедливости, верности обязательствам перед сообществом равных по статусу, неподчинение внешнему принуждению, в особенности (у диссертанта, в частности) со стороны государственных институтов, обостренное чувство достоинства, самоконтроль, традиционализм.

Уличная среда не оставляет «герою» возможности находиться вне криминальных связей, а убани вне криминальных экономических отношений. Некий культ воров, собравший в себя все протестные настроения постсоветского общества, той социальной или этнокультурной среды, которая традиционно положительно относится к высокой норме насилия в обществе, обеспечил превращение убанских бирж в часть разветвленной преступной податной системы, функционирование которой как массового явления проследила диссертант. Е. Захарова ярко показала, как остро стоит проблема рисков в мужской молодежной среде, сводящей проблемы перспектив жизненного пути к играм в уличном тотализаторе.

Особо можно отметить тему параграфа 2.4. - нормативного инцеста в отношениях юноши с сестрой друга, яркого примера совпадения смыслов архаики в т.ч. кавказского мира (феномен побратимства) и этики воровского мира России, имеющей несомненно позднее происхождение.

Подобная проблематика, что весьма положительно, поднимается и в тех параграфах второй главы, где освещается важнейшая тема формирования в уличных союзах связей, воспроизводящих формы искусственного родства, когда функциональная сплоченность на «улице» конституируется в имитациях родственной близости, самой большой ценности архаического сознания и излюбленного предмета аттракции в воровском мире.

Третья глава «Уличный кодекс и уличные посредники» посвящена прагматике уличного кодекса и строящимся на нем практикам. В ее первом параграфе анализируются лица и понятия, участвующие в уличной медитации, представляется опосредование последних воровским жаргоном и тбилисским сленгом, огрузинившим слова русского языка. Во втором параграфе рассматриваются метаправила, определяющие прагматику уличного кодекса, который понимается как неструктурированный набор неформальных и неписаных правил, т.е. норм, которые переутверждаются в ходе их применения, а также методов и приемов применения этих правил, что приближает понимание уличного кодекса к трактовке нефиксированной части обычного права.

Четвертая глава «Улица как часть правовой и политической жизни Грузии» отведена важной теме места убанской идентичности и уличных нравов в политической жизни Грузии, что указывает на далеко не последнее место данных специфических явлений во всех институтах современного грузинского общества.

Предлагая общую характеристику диссертационного сочинения Е. Захаровой, следует определить его как обоснованную прекрасно подготовленную и написанную убедительным языком научную работу. Все темы, предложенные к рассмотрению, получили всестороннее комплексное освещение. В тексте нужным образом сочетаются данные конкретных наблюдений, представленные их трактовки и обобщения, методически обоснованные приемы частного и общедисциплинарного исследования. Диссертант умело использует данные и установки отечественной и зарубежной науки. В списке использованных источников 182 публикации и 47 источников из системы масс-медиа.

Во многом, данное сочинение представляется настоящим образцом исследований по «этнографии современности». Предлагая такую положительную характеристику работы Е. Захаровой, нельзя удержаться от критики тех особенностей, которые отличают данное направление науки, превалирование в представлении реалий их социологических характеристик над свидетельствами продолжения давних этнокультурных традиций. И данное исследование (не столько само сочинение Е. Захаровой, сколько направление, которое оно представляет) стало бы результативнее при оценке изучаемых явлений с позиции их и как категорий архаики или неорархаики.

Возможно, несколько преувеличен политический контент, данный в начальных страницах диссертации, т.к. описанное диссертантом явление имеет более глубокую историю, чем эпоха постсоветской истории Грузии. Автор корреспондирует явление криминально-подобных молодежных групп Тбилиси со схожими явлениями западных мегаполисов, но обходит вниманием проблему их наличия в городах России, упоминая о молодежных бандах только в контексте характера изученности молодежных криминальных движений конца XX в. Представляется, что почти все тинейджеры Ленинграда-СПб в той или иной мере соприкасались с криминальными установками уличных групп и дворовых компаний. Е. Захаровой прекрасно отмечены все признаки городской культуры Тбилиси, но анализ проблемы был бы более точным, если бы были бы выделены более четко аспекты гендерного (социализирующаяся мужская молодежь) и средового (неизбежно-дифференцирующийся городской ландшафт крупного населенного пункта) подходов. Это позволило бы более значимо осветить традиционно-культурные характеристики явления. Также, при всем особом значении Тбилиси в формировании особенностей большого города Южного Кавказа недостаточность отсылок на наличие сходной проблемы в других городах региона несколько снижает возможности оценок и самого предмета исследования и, собственно, своеобразия Тбилиси.

Выводы работы подтверждаются и статистически (проведено более ста интервью) и глубинным погружением в грузинскую городскую среду (владение грузинским языком, доверительность общения, долговременность исследования, контроль за истинностью получаемой информации через общение с разными категориями жителей Тбилиси). Следует особо отметить, что для исследования был полностью освоен потенциал самого эффективного и самого трудного метода полевой работы этнографа – долговременного включенного наблюдения за предметом исследования, требующего в том числе положительного признания наблюдателя в среде носителей информации. Можно говорить не только о разработке полевого исследования, как своеобразного эксперимента (дисс. с. 18-19), но и об авторском вкладе в разработку методики интервьюирования с целью формирования соответствующего теме исследования нарратива из тех тем, которые предлагались информантами по собственным повествовательным моделям. С позиции характеристики источников работа Е. Захаровой является комплексной: помимо интервью, контрольных вопросов, непосредственного наблюдения, обработке были подвергнуты материалы тбилисских Интернет-форумов, данные прессы, материалы художественных произведений последних десятилетий, в которых затрагивалась тема «уличной жизни», что показало ее очевидную актуальность, художественные фильмы. В исследовании и оформлении его

результатов полностью и творчески использован опыт антропологов Нового Света, анализировавших приемы существования молодежных объединений в мегаполисной среде.

Представляется очень важным вывод, что в отличие от уличных групп, исследуемых в США и давших некий эталон понимания характера уличной молодежной субкультуры, грузинская «улица» не была этнически или социально маргинализована, и до последних лет представляла легитимный институт мужской социализации в городском варианте этнической культуры Кавказа (дисс. с. 22).

Все поставленные задачи:

1) рассмотрение тбилисских бирж как элемента соседских сообществ; 2) определение возрастной и статусной структуры уличных групп; 3) выявление и анализ репутационных механизмов организации уличных групп; 4) рассмотрение отношений искусственного родства как одного из измерений организации уличных групп; 5) оценка роли улицы как биографического этапа; 6) установление и описание взаимосвязей квартальных бирж и уличной культуры с воровским миром и тюремной культурой; 7) рассмотрение прагматики функционирования уличного кодекса как системы правил; 8) определение влияния уличной культуры на правосознание тбилисцев; 9) выявление механизмов использования бирж официальной властью и оппозицией в политических процессах периода президентства М. Саакашвили; 10) определение характера трансформации тбилисской улицы под влиянием политики «нулевой толерантности», осуществлявшейся по инициативе М. Саакашвили – полностью выполнены.

Хотя сам автор весьма скромно оценивает результаты своей работы, чтение текста диссертации убеждает в том, что подготовлено необходимое для науки нашего времени исследование по проблематике современной молодежной субкультуры.

Предлагаемые научные положения, выводы и рекомендации являются обоснованными, так как подтверждаются фактическими данными и сведениями из различных источников, они корреспондируют с теми результатами, которые были получены другими авторами, работавшими по смежным направлениям. Новизна исследования определяется накопленными собственными сведениями автора, оригинальным подходом, самостоятельно полученным новым знанием. Качество изложения материала свидетельствует о полной достоверности изложенных сведений и полученных результатов. Диссертационное сочинение Е. Капустиной отличается высокой степенью обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, их достоверность и новизна.

Апробация исследования была проведена в многочисленных докладах на научных конференциях, включая международные, по теме исследования опубликованы 15 научных

статей и материалов докладов, в т.ч. три статьи в рецензируемых научных журналах ВАК. Текст автореферата соответствует тексту диссертации.

Рецензируемая диссертация «Мужские квартальные сообщества Тбилиси: структура и функционирование», полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к работам, выдвигаемым на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

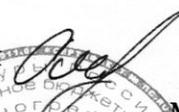
Автор диссертации – Евгения Юрьевна Захарова – безусловно, достойна искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07. — Этнография, этнология, антропология.

Научный сотрудник главной категории
отдела этнографии Кавказа и Средней Азии
Российского этнографического музея, доктор исторических наук
г. Санкт-Петербург, улица Инженерная, д. 4/1,
Телефон: +7(812)5705676
Эл. почта: dmitriev_home@mail.ru
Владимир Александрович Дмитриев

30 ноября 2017 г.

Подпись руки В.А. Дмитриева заверяю
/Помощник директора Российского этнографического музея

М.В. Воронова

1 декабря 2017 г.

